

Яков Брук
Марк Шагал в пространстве
России

М.: Искусство–XXI век, 2023

Виталий Мишин

Выход книги Якова Брука «Марк Шагал в пространстве России» — уже не новость для специалистов, но это событие заслуживает того, чтобы о нем узнал более широкий круг читателей. К тому же устные отзывы эфемерны, нужно зафиксировать этот факт в письменной форме, черным по белому, как важную веху — в помощь будущим историкам отечественного искусствознания.

В сборник вошли статьи и материалы о Шагале, по большей части ранее опубликованные. Объединение их под одной обложкой избавляет читателя от необходимости специально разыскивать эти разбросанные по разным изданиям тексты, дает возможность окинуть одним взглядом круг интересующих автора проблем и оценить его вклад в шагаловедение. Более того, это тот случай, когда сумма становится больше слагаемых: предмет исследования (жизнь и творчество Шагала) является перед нами как некий кристалл в своей многогранной целостности.

В предисловии к сборнику Я. Брук выражает надежду, что вошедшие в него статьи «высвечивают важнейшую составляющую шагаловской судьбы — его глубинную духовную связь с Россией» (с. 8).

Каждая статья посвящена какой-то конкретной, строго определенной теме, которая раскрывается исследователем во всех аспектах, на основе всех существующих источников. Теоретически нельзя исключать вероятность обнаружения в будущем новых фактов и документов, всегда открыт путь для иных интерпретаций, но, думается, мы не сильно ошибемся, если будем считать проработанные Я. Бруком темы на много лет вперед исчерпанными.

В статье «Марк Шагал и школа Бакста» автор характеризует внутренний уклад школы Бакста — этого «сообщества посвященных»; рассматривает педагогические принципы «мэтра», стиль его общения с учениками; прослеживает, как под наблюдением Бакста Шагал нащупывал собственный путь в искусстве. Я. Брук стремится проникнуть в психологию непростых отношений между учителем и учеником; исследователя интересуют моменты соприкосновения Шагала с современными ему художественными течениями, в первую очередь с символизмом; много внимания уделяется обзору увлекавших Шагала тем (тема смерти, рождения, «ожидание любви» и др.).

Исключительный интерес представляет раздел «Марк Шагал и Александр Ромм». Он состоит из трех частей: писем Шагала к Ромму 1910–1915 годов; воспоминаний Ромма о художнике; статьи Я. Брука «Марк Шагал и Александр Ромм», которая основана на этих документальных материалах, являясь результатом их анализа. Во взаимоотношениях Шагала и Ромма нам открываются новые грани личности художника, его сложного характера. Воспоминания Ромма Я. Брук характеризует как «одно из самых нелюбимых, пристрастных и одновременно незабываемых ярких свидетельств о художнике» (с. 72). На основе писем Шагала к Ромму было установлено — и это надо поставить в особую заслугу публикатору, — что художник приехал в Париж в 1911-м, а не в 1910 году, как считалось прежде. Это открытие заставляет увидеть в новом свете эволюцию творчества Шагала в критически важный момент его биографии и пересмотреть датировку многих работ.

В статье, посвященной картине «Старушка с корзинкой (Бабушка)» из собрания ГТГ, Я. Брук уточняет датировку этой работы (1914–1915) и идентифицирует изображенную модель — ею оказалась бабушка художника Башева. Этот этюд — образец мастерской интерпретации отдельного произведения, которое требовалось убедительно локализовать во времени, в контексте творчества художника и в связи с обстоятельствами его жизни.

В нашу задачу не входит изложение содержания каждой статьи сборника. Отметим в самой общей форме, что целый блок материалов посвящен деятельности еврейских организаций и роли в ней Шагала. Речь идет о Еврейском обществе поощрения художеств, Кружке еврейской национальной эстетики «Шомир», Еврейской трудовой школе-колонии в Малаховке. Здесь мы имеем дело с углубленным, богатым фактами исследованием того, как функционировали еврейские организации в условиях России незадолго до революции и в первые послереволюционные годы. Рассказ о работе Шагала с детьми в малаховской колонии раскрывает привлекательные стороны натуры художника, его человеческой сущности. Сюжет отдельного очерка составляет характеристика незаурядной личности Якова Каган-Шабшая, одного из первых покупателей картин Шагала. К очерку прилагается «опыт каталогизации» произведений Шагала в собрании Каган-Шабшая. Эта частичная реконструкция ныне разрозненной и распыленной по всему миру коллекции сама по себе является ценным вкладом в изучение шагаловского наследия.

Вот названия остальных статей сборника: «Марк Шагал и Третьяковская галерея: 1920-е», «Марк Шагал и выставка “Современное французское искусство” (1928)», «К истории Госетовских панно Марка Шагала». Что касается панно для Еврейского театра, Я. Брук излагает историю их создания и бытования с присущей ему обстоятельностью. Имея в виду исторические перипетии, о которых повествует автор, тот факт, что этот живописный ансамбль сохранился до наших дней, кажется почти чудом, в его судьбе видится нечто провиденциальное.

Сборник венчает публикация текста «Марк Шагал. Моя жизнь» — сокращенного перевода на русский язык знаменитой автобиографии художника. Речь идет о хранящейся в Отделе рукописей ГТГ машинописи, имевшей хождение в самиздате в 1960-е годы; эта самиздатовская версия автобиографии публикуется впервые. Вообще же история написания шагаловских мемуаров и их переводов на разные языки всегда представлялась довольно запутанной. Я. Брук терпеливо и педантично проясняет эту историю в предваряющей публикацию статье «О русском оригинале и хождении в советском самиздате книги Марка Шагала».

Тексты Я. Брука насыщены цитатами из документов эпохи (писем, мемуаров и т. п.), часто эти выдержки имеют вид коротких фрагментов (отдельных фраз, словосочетаний), органично встроены

ных в авторское высказывание, которое напитывается интонациями и лексикой эпохи и в силу этого воспринимается как что-то «подлинное», а не привнесенное из нашего времени. Это наблюдение подводит нас к пониманию подхода Я. Брука к истории: исследователь видит свою задачу в том, чтобы как можно точнее, объективнее и детальнее *реконструировать* то или иное историческое явление, представить, как все происходило «на самом деле». Я. Брук называет это «воскрешением памяти».

В книге не указан редактор, по умолчанию его роль берет на себя сам Я. Брук. Редакторское ремесло в его руках, похоже, становится предметом культа. Точнее, он выступает *архитектором книги*, то есть чем-то большим, нежели редактором (разумеется, это не умаляет роли автора макета, П. Летягиной). Во всем заметна единая организующая воля человека, продумывающего общий строй книги, подбор и размещение иллюстраций, структуру каждого разворота. Мельчайшие элементы текста не ускользают от его внимания. Отдельно надо отметить примечания, которые недаром считаются душой науки. У Я. Брука они составлены с фанатической тщательностью; понимаешь, что любое утверждение автора, любой факт, который он считает достоверным, основаны на надежных источниках, чаще всего — архивных документах. Некоторые примечания представляют собой небольшие, но насыщенные информацией экскурсы, вынесенные за пределы основного текста, чтобы не утяжелять его, но важные для раскрытия темы. Научный аппарат дополняют указатель работ Марка Шагала и указатель имен. Все это позволяет читателю чувствовать себя в пространстве книги комфортно и во всеоружии.

Сборник, о котором идет речь, невозможно рассматривать в отрыве от другого, сравнительно недавно изданного научного труда, подготовленного Яковом Бруком в соавторстве с Людмилой Хмельницкой и под его общей редакцией; этот внушительного объема двухтомник называется «Русская книга о Марке Шагале»¹. Издания эти относятся

1 Русская книга о Марке Шагале. В 2 т. / Сост., текстологическая подготовка, коммент. Я. В. Брука, Л. В. Хмельницкой. Под общ. ред. Я. В. Брука. М.: Прогресс-Традиция, 2021.

к разным жанрам, но их объединяет сходная проблематика и отчасти общий исторический материал, лежащий в их основе. Хотя первая публикация большинства статей, вошедших в сборник «Марк Шагал в пространстве России», предшествует двухтомному изданию, по сути, эти статьи в значительной степени основаны на материалах, впоследствии размещенных в «Русской книге о Марке Шагале». Двухтомник уже был предметом подробного обзора², что позволяет нам ограничиться лишь несколькими соображениями самого общего характера.

Как известно, правильная постановка проблемы, ясное определение задач исследования — это уже половина дела. С одной стороны, замысел «Русской книги о Марке Шагале» поражает смелостью, можно сказать — дерзостью: так высоко поставлена планка энциклопедического охвата материала. С другой стороны, этот замысел оказался вполне реалистичным, ибо при всей обширности территории, подлежащей изучению, она имеет четкие границы. И в этих границах мы наблюдаем *полноту осуществления* авторской программы, с привлечением большей части доступных на сегодняшний день (в основном русскоязычных) источников.

Чувствуется, что взяты за это нелегкое дело авторов побудила огромная любовь к предмету и сознание своей *миссии* — не побоимся этого слова.

Важнейшее достижение — это, конечно, выявление и публикация новых источников, извлечение их из небытия. Здесь надо отметить чрезвычайно бережное, даже трепетное отношение публикатора к тексту любого исторического источника — будь то высказывание самого художника или просто фрагмент сухой канцелярской бумаги, содержащей несколько фраз или слов. Дело не только в том, что эти документы содержат какую-то *информацию*, полезные сведения: они позволяют прикоснуться — на уровне эмоциональном и интуитивном — к давно исчезнувшей реальности, в них еще теплится жизнь.

Когда в руках у исследователей оказался наконец весь корпус текстов, как ранее известных, так и новых, следующий этап — *структурирование* этой массы материалов. Дело это — если принять во вни-

2 См.: Водонос Е. [Русская книга о Марке Шагале] // Искусствознание. 2022. № 2. С. 418–445; Гамбург М. Марк Шагал: опыт документальной реконструкции // Третьяковская галерея. 2022. Март. URL: <https://www.tg-m.ru/news/otmechaem-den-rozhdeniya-marka-shagala> (дата обращения: 22.05.2024).

мание большое разнообразие типов и жанров текстов — не такое простое и очевидное, как может показаться на первый взгляд. Такая структура *сама по себе* представляет собой некий интеллектуальный продукт, самостоятельный и самооценный. Но она не есть что-то навязанное и наложенное *извне*, она вырастает *изнутри* исторического материала. В итоге система тематических разделов, реализованная в издании, выглядит в высшей степени оправданной и *целесообразной*; в ее *логической архитектонике* есть своя особая красота.

Сведение воедино стольких разноголосых свидетельств придает изданию некое *полифоническое звучание*. Аккумулятивное, объединение в одном месте такого количества текстов («документов» в широком смысле слова) доводит их концентрацию до такой степени, когда происходит, по закону диалектики, *переход количества в качество*. Например, сопоставление высказываний многих очевидцев, наблюдавших за визитом Шагала в Москву и Ленинград в 1973 году, наглядно демонстрирует, как один и тот же исторический эпизод отражается в сознании и памяти разных людей; предмет наблюдения, увиденный одновременно множеством глаз с разных точек зрения, «стереоскопически», становится более объемным и осязательным.

Следующий, высший этап — обобщение и *интерпретация* собранных материалов. Собственно говоря, книга «Марк Шагал в пространстве России» этому и посвящена. Мы видим, как тот же исследователь, который выступал как архивист, публикатор и комментатор, теперь берет на себя роль интерпретатора, то есть *историка искусства* в строгом смысле слова. Например, письма Шагала к Ромму, которые в двухтомнике разнесены по хронологии, вперемежку с письмами к другим адресатам, здесь рассматриваются как единый блок, служащий предметом специального осмысления. Это путь от собирания разрозненных фактов, через их систематизацию и анализ — к синтетическому знанию, к более глубокому пониманию судьбы художника и его искусства. Так что обе книги воспринимаются как части *двухединого проекта*, который, заметим в заключение, поднимает шагаловедение на качественно новый уровень. С одной стороны, он подводит итог многолетних усилий энтузиастов (в их числе самого Я. Брука), боровшихся за возвращение памяти о Шагале в России, а с другой стороны — создает прочное и надежное основание для дальнейших изысканий и размышлений.

Думается, Шагал должен быть удовлетворен.